скую сторону не мог бы он постигнуть и выразить живостью ему свойственною». Смелость и неожиданность оборотов Языкова поистине замечательны: «звучит лесная глубина», «откровенное вино», «не занимательная травля», «мед ожидания», «неопытная кровь», «бестелесная мечта». Характерны для поэтики Языкова и неологизмы, например: «снеговершинный», «мимоходящий», «перепрыг», «искрокипучий», «водобег», «миговой», «своенародность», «тьмочисленный», «бурноногий». И здесь Языков учился у Державина (см., например, такие его слова, как «тенносвесистый» (клен), «ожурчаемый ключом», «обездушен», «черноогненный» (виссон), «голубосизый» (осетр), такие неологизмы, как «безнравье», «бегатели», «созвучник», «дождить» и т. п.[8]

Упомянутые выше черты поэтического стиля Языкова явственно свидетельствуют о его близости Державину, но, конечно, не означают подражательности: у Языкова почти нет свойственного Державину стилистического разнобоя, какофонии, создаваемой столкновением различных речевых слоев — высокой лексики и просторечия. Языков писал уже после того как Пушкин произвел реформу литературного языка, он учился у него. Близость Державину не мешала Языкову оставаться поэтом своеобразным, с собственной интонацией и, что особенно важно, — с собственной трактовкой даже близких тем. Но для понимания всего значения завоеваний Державина для русской поэзии нового периода изучение лирики Языкова весьма показательно.

Близость Языкова Державину интересна, однако, не только своими положительными, но и отрицательными элементами. Среди них (если говорить о художественном методе) выделяется свойственное Державину преобладание живописно-изобразительной стороны над аналитической, позволяющей посредством картин раскрывать сущность явлений, их внутренний смысл и многообразные связи с действительностью, с бесконечно-сложным миром человеческих переживаний. Подобный недостаток свойствен и Языкову Причина его, разумеется, не исчерпывается влиянием Державина, она коренится в мировоззрении Языкова, но, тем не менее, эта ограниченность его поэзии однородна державинской именно по существенным признакам метода. Определяющей для произведений Языкова явилась эмоциональная стихия, преобладание чувства над мыслью, восприятия над изображением. Именно потому живописная, изобразительная поэзия Языкова никогда не подымается до сложного раскрытия характера лирического героя, именно потому его стихи — это, как правило, монологический рассказ о переживаниях, избегающий воспроизведения сюжетных ситуаций. Сама способность к живописной изобразительности, которая достигает у Языкова высочайшего мастерства, все же реализуется преиму-

---

[8] См.: А. Западов. Мастерство Державина. «Советский писатель», М., 1958, стр. 210—213.